

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

V.I. Gulyaev

THE BEAR CULT

AMONG THE INHABITANTS OF EASTERN EUROPE DURING THE SCYTHIAN PERIOD

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В.И. Гуляев

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ

У НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Рецензенты:

кандидат исторических наук А.А. Шевченко, кандидат биологических наук Е.Е. Антипина

Гуляев В.И. Культ медведя у населения Восточной Европы в скифскую эпоху. – М.: ИА РАН, 2020. – 248 с.

Образ медведя — самого крупного в Восточной Европе хищника — в I тыс. до н.э. был очень популярен в искусстве и религиозных верованиях многих племен и народов Донского региона и воплощался в самых разных формах и материалах. Вопреки широко распространенному в отечественной историографии мнению, культ медведя (бурого медведя — Ursus Arctos) и его отражения в искусстве звериного стиля были свойственны не только культурам лесных областей Урала и Поволжья, но и жителям — Скифии как Лесостепной (и, особенно, Среднему Дону), так, частично, и ее степной территории.

Работа представляет интерес для археологов, этнографов и искусствоведов, занимающихся изучением культуры племен и народов эпохи раннего железа.

ISBN 978-5-94375-322-0

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-322-0

[©] Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2020

[©] Гуляев В.И., 2020

Светлой памяти выдающегося русского археолога Николая Николаевича Воронина посвящаю

РЕЗЮМЕ

Эта монография, основанная на материалах из курганов VII-IV вв. до н.э. Северного Причерноморья, посвящена анализу мотива медведя в скифской культуре и культуре соседних территорий. Согласно широко распространенному до недавних пор мнению, образ бурого медведя (Ursus arctos) был заимствован скифами из Ананьинской культуры области Прикамья и Приуралья. В работе описаны разные вариации этого мотива, даны их хронология и специфические черты. В скифо-сибирском искусстве известны две главные иконографические версии мотива медведя: показанный в профиль стоящий зверь («поза пьющего животного»), с наклоненной вниз головой и медведь, показанный анфас – голова, лежащая на двух передних лапах («медведь в жертвенной позе»). Подобные медвежьи изображения чаще всего встречаются на золотых обкладках деревянных культовых сосудов и на украшениях-бляхах (из бронзы и серебра) конской сбруи. Обе черты – и хронология, и территория распространения «медвежьих» артефактов – не соответствуют идее о том, что мотив медведя был заимствован скифами из далеких культур лесной полосы (Урал, Сибирь). Скорее всего, этот мотив появился в архаическую эпоху (800-700 гг. до н.э.) в пределах первоначальной прародины ранних номадов (включая скифов) – в Центральной Азии (Монголия, Тува, Алтай, Казахстан), вместе с другими образами самого раннего звериного стиля (олень и кабан «на цыпочках», хищная птица, горный козел и др.). Позднее (в VII в. до н.э.) это оригинальное скифское искусство было принесено волнами мигрирующих кочевников на Кавказ и на Северное побережье Черного моря. Вполне очевидно, что некоторые виды медвежьего культа практиковались среди скифской элиты (Средний Дон и «царские» курганы Степного Приднепровья).

ABSTRACT

This study, based on artifacts from kurgans of the Nortern Black Sea region (VII-IV centuries B.C.), addresses the analysis of ursine motive in Scythian culture and of adjacent territories. It is a widely held view that images of the brow bear (Ursus arcton) had been borrowed from the Ananyno culture of the Kama area. A variation of this motif is described and ist chronology and specific traits is assessed. Two principal iconographic versions are known in Scytho-Syberian art: the animal is shown in profile ("drinking position") with a bowed head, either en face (so called "sacrificial position"). Such ursine representations occur most often on gold-plated ritual wooden bowls and as ornaments (bronze and silver) of the horse harness. Both the chronology and the distribution range of these artifacts disagree with the idea that the bear motif was borrowed from the far forest cultures. Rather, it appeart to be inherently Scythian, having originated in archaic times (800–700 B.C.) in the primary homeland of earty nomsds (including the Scythians) in the Central Asia (Tuva, Mongolia, Altay, Kazakhstan), together with other images of the animal style. Later (at the VIIth century B.C.) this mode of original Scythian art was carried by migrating nomadic waves to the Caucasus and the Black Sea Coast. Apparently, some form of the bear cult was practiced by the Scythian elite (Middle Don and socalled "tsar" kurgns at the Steppe Dnieper region).

ВВЕДЕНИЕ

«Медведь ярославский, кудлатый Шагает, как знамя, подняв Секиру, которой когда-то Убил его князь Ярослав» Валентин Берестов

Большинство исследователей считает, что «возникновение и развитие культа медведя было обусловлено боязнью людьми этого грозного хищника. Суеверный страх перед "хозяином тайги" порождал особое к нему отношение и многие обряды, направленные на умилостивление зверя. Среди народов, проживающих от Каспийского моря до Тянь-Шаня, в Сибири и на европейской части России, существовали поверья о том, что медведь раньше был человеком... В прошлом культ медведя был распространен очевидно еще шире...» (Соколова З.П., 2000, с. 128).

Что же такое «культ медведя» и на основе каких видов источников возможно его изучение в разные эпохи. Вполне понятно, что наибольшие шансы разобраться с определением данного понятия принадлежат этнографам, успешно проследившим основные формы этого культа с конца XVIII и до середины XX в. у некоторых малых народов Северного Урала и Сибири (ханты, манси, селькупы и др.).

Ниже я приведу мнения ряда известных отечественных этнографов на интересующую нас тему.

Вот определение культа медведя, данное в работах известного этнографа З.П. Соколовой: «Культ медведя, – пишет она, – широкое понятие,

включающее в себя представления о медведе, обряды, связанные с охотой на него и с поеданием его мяса, с хранением его костей; тогда как *медвежий праздник* — более узкое понятие и охватывает лишь те обряды, которые относятся к поеданию медвежьего мяса, а именно извинительные и умилостивительные ...» (Соколова 3.П., 2002, с. 41).

Несколько по-иному, более собирательно и широко, рассматривает понятия «медвежий праздник» и «медвежий культ» (объединяя их) другой отечественный этнограф Б.А. Васильев. «Под медвежьим праздником, - считает он, - в широком смысле слова понимается комплекс обрядов, связанных с охотой на медведя, со свежеванием его туши, с едой его мяса, с "похоронами" его черепа и костей. Этот обрядовый комплекс осмысливается особым медвежьим мифом, менее устойчивым, чем сами обряды. В основе последних лежит представление о медведе как священном звере, как о хозяине тайги. Культ медведя имел наибольший ареал: он охватывал Скандинавию и Кольский полуостров, Северо-Восточную Европу, всю таежную Сибирь, Амурский край и таежную зону Северной Америки. Следы культа медведя обнаружены в Швейцарии, а в античную эпоху также во Фракии, в различных странах Малой Азии и в Тавриде... Наибольшее количество материала для суждений об идеологии и обряде медвежьего культа дают нам источники этнографические...» (Васильев Б.А., 1948, с. 78). Складывается впечатление, что у этого исследователя понятия «медвежий культ» и «медвежий праздник» сливаются воедино.

Вряд ли приходится оспаривать тот факт, что львиную долю информации о «медвежьей теме» дает нам именно этнография. Однако здесь нельзя впадать в другую крайность, когда, кроме этнографического, для изучения медвежьего культа отрицаются все прочие источники информации. Так, рассуждая о происхождении медвежьего культа и об источниках его изучения, уже упоминавшийся ученый – блестящий знаток этнографии малых сибирских народов нашей страны – 3.П. Соколова пишет: «Так как же заглянуть в глубь веков? Неужели далекое прошлое человечества навсегда закрыто для нас непроницаемой завесой? Это трудная задача – реконструировать ушедшие времена. И если мы не хотим подменить достоверные сведения воображением, надо прежде всего четко определить круг источников, которые помогут нам проникнуть в тайны первобытного мышления. Археологические памятники придется исключить из того материала, на который мы будем опираться. Они сами требуют истолкования и не проливают свет на загадки первобытных верований; истолкование их лишь отражает точку зрения того или иного исследователя (курсив мой – $B.\Gamma.$)...

Следы ранних религиозных воззрений хранит язык, однако и в лингвистическом анализе еще много спорного. Остается пока только один источник, который служил и будет служить основой для воссоздания картины духовного мира наших первобытных предков, — это богатейший этнографический материал, накопленный наукой главным образом в течение двух-трех столетий, сведения о верованиях народов и племен, еще недавно сохранявших очень примитивный образ жизни, некоторыми чертами напоминающий образ жизни людей эпохи первобытности...» (Соколова 3.П., 1972, с. 14–15).

Заявление, как мне представляется, слишком жесткое и прямолинейное. Никто не спорит с тем, что этнографические свидетельства о культе медведя играют при его изучении и реконструкции одну из главных ролей. Но зачем же «с порога» отбрасывать и все другие источники информации, включая и археологические.

Так, археолог B.C. Житенёв считает, например, что «культ по отношению к медведю – один из самых древних проявлений зоолатрии», и выражался он в организации медвежьих костных комплексов, а также в изготовлении подвесок из медвежьих зубов и костей (Житенёв В.С., 2000, с. 2). То есть речь идет здесь о чисто археологических материалах и о костях бурого хищника.

Определение «культа медведя» приводит Ю.А. Кошкарова в своем исследовании «Археотипический образ медведя в духовной культуре народов России»: под культом медведя «понимается поклонение медведю, проявляющееся в особом отношении к этому животному и реализации комплексов обрядов, связанных с охотой, поеданием туши и захоронением его костей, основанных на синтезе тотемизма, анимизма, анимализма, промысловых и родовых (племенных) культов, посредством чего достигается "расположение" медведя к человеку. Зародившись в мустьерской эпохе (курсив мой — $B.\Gamma$.), просуществовав до середины XX в. и сохранив некоторые элементы в культуре ряда народов современной России, культ медведя является одним из наиболее устойчивых...» (Кошкарова Ю.А., 2011).

Один из крупнейших этнографов дореволюционной России Н.Н. Харузин пишет в своем классическом труде «Медвежья присяга. Тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов» (М. 1899): «Остается искать основу, источник появления культа медведя или в тотемизме, или в чувстве страха, которое внушает первобытному охотнику животное, борьба с которым представляет особенные опасности или желание снискать благосклонность полезного животного...» (Харузин Н.Н., 1899, с. 8). И далее: «Если медведю посчастливилось

больше, чем остальным тотемическим животным, если культ его не был забыт..., то причину этого следует искать в том, что медведь был наиболее крупным представителем местной фауны, что он как таковой внушал к себе страх и уважение, что встреча с ним представляла опасности и т.д., одним словом оттого, что медведь сам по себе, не утрачивая своих зооморфных черт, представлялся и позднейшему, более развитому остяку или вогулу таким же сверхъестественным существом, каким он являлся воображению их предков, избравшим его себе духом-покровителем...» (Харузин Н.Н., 1899, с. 61).

Зарождение медвежьего культа (палеолит, неолит, бронза)

При всем уважении к мнению З.П. Соколовой по поводу абсолютной значимости этнографических данных при изучении медвежьего культа, не могу согласиться с ее отрицательным отношением к другим видам информации на эту тему и, особенно, с полным отрицанием роли археологии в данном вопросе. Надеюсь, что все дальнейшее содержание предлагаемой вниманию читателей монографии поможет защитить значимость археологического материала в исследовании культа медведя в разные эпохи и на разных территориях. Тем более, что другой известный этнограф Б.А. Васильев подтверждает факт глубочайшей древности медвежьего культа, истоки которого (как теперь доказано археологами – $B.\Gamma.$) уходят еще в каменный век — палеолит. «Факт глубокой древности медвежьего культа, его связь с древнейшей формой человеческого хозяйства – с хозяйством охотничьим и с наиболее архаичными формами социальной организации человеческого общества не может не привлечь к нему внимания историков культуры и, в частности, историков религий...» (Васильев Б.А., 1948, с. 78).

Почитание, в какой-то форме, гигантского пещерного медведя, еще в эпоху среднего палеолита – мустье, установлено в конце XIX – первой четверти XX в. именно археологами. Речь идет о так называемых медвежьих пещерах, где, наряду с огромными скоплениями костей ископаемого пещерного медведя (Ursus spelaeus) есть и следы деятельности неандертальца эпохи среднего палеолита – мустье (100–30 тысяч лет назад). В подобных пещерах медвежьи кости составляют 95–99% всех костных останков, а количество особей доходит до 800–1000 медведей в одном месте (Столяр А.Д., 1985, с. 140).

Подобные пещеры существовали по всей зоне расселения неандертальцев в Европе – от Франции до Черноморского побережья Кавказа. «Ухудшающиеся природные условия мустьерского периода – времени развития вюрмского оледенения – делали широкое освоение пещер под

жилье одним из важнейших условий жизненности неандертальских коллективов. Но значительная часть пещер имела своего исконного хозяина — чаще всего пещерного медведя. На этой почве развернулся многотысячелетний поединок неандертальца с пещерным хищником. В конечном счете наступление человека на пещеры завершилось его победой...» (Столяр А.Д., 1972, с. 44).

Как считает антрополог Л.Б. Вишняцкий, «количество совпадений и общих черт в истории и биологии этих двух видов (неандертальца и пещерного медведя $-B.\Gamma$.) настолько велико, что человек, склонный к мистике, вполне может заподозрить здесь еще некую сверхъестественную связь. Начнем с того, что пещерные медведи, как и неандертальцы, происходят от европейских представителей вида, имевшего более широкое распространение (медведь Денингера – Ursus deningtri). Их ареалы в значительной степени перекрываются, а периоды существования совпадают почти полностью, если не полностью: от конца среднего плейстоцена до последнего ледникового максимума. Пик процветания и тех, и других, судя по численности ископаемых находок, тоже приходится на одно и то же время... – примерно от 65 до 35/40 тыс. лет назад. В отличие от предковых видов – человека гейдельбергского и медведя Денингера, предпочитавших, за редкими исключениями, равнины и низкогорья, неандертальцы и пещерные медведи питали явную склонность к жизни высоко в горах... Наконец, нельзя не отметить и еще одно совпадение: оба вида не только исчезли примерно синхронно, но и были замещены более грацильными формами с более разнообразным, как считает большинство исследователей, рационом...» (Вишняцкий Л.Б., 2010, с. 108-109). Неандертальца заменил homo sapiens, а пещерного медведя – бурый медведь (Ursus arctos). Открытие и интерпретация «медвежьих пещер» имеют сложную историю: споры ведутся до сих пор.

«В начале XX в. Келлерман осуществил исследования в пещере, вернее, «пещерке» (площадью около 40 кв. м) Кумметслох неподалеку от Гайленрейта, где обнаружил кости примерно от 800 особей медведя. Эти работы (см.: Ефименко П.П., 1953, с. 233–234) должны были представить подобные памятники (а «медвежьи пещеры» в горах Южной Германии, во Франции и даже в Российской империи – под Одессой открывались по случаю и в XVIII, и в XIX вв. – $B.\Gamma$.) как одну из головоломных загадок прошлого. Пещерка была заполнена только фрагментами черепов и костями конечностей медведя..., иногда расколотыми и несущими следы утилизации. Следовательно, она не являлась берлогой зверя. Но и человек, превративший скальную нишу в своеобразный оссуарий, здесь постоянно не жил (малые размеры полости, ее оторван-

ность от основной зоны обитания, да и от охотничьих угодий, наконец, как решающий аргумент, отсутствие культурного слоя). Однако и здесь исследователи ограничились упрощенным истолкованием памятника — на этот раз как места хранения мясных трофеев, видимо, сезонной (осенней) охоты и, особенно, выделки медвежьих шкур. Стремление к элементарно-практическому объяснению всей жизнедеятельности палеоантропа заставило ученых забыть и о недоступности этого «склада» в зимнее время, и о полном отсутствии в предполагаемом «кожевенном цехе» кремневых орудий, без которых такой труд был невозможен...» (Столяр А.Д., 1985, с. 140).

Подобную трактовку назначения «медвежьих пещер» серьезно поколебали лишь многолетние раскопки трех пещер, расположенных на большой высоте в северо-восточной части Швейцарских Альп: это Вильдкирхли, Драхенлох и Вильденманнлислох. Их проводил директор Музея естественной истории в Санкт-Галлене Эмиль Бехлер с 1903 по 1927 г. Общей чертой всех трех пещер явилась исключительная насыщенность их костями пещерного медведя. При общем богатстве остеологических коллекций на их долю приходится 99,5% всех костных останков. Однако отдельные части этих комплексов существенно отличались друг от друга.

В пещере Вильдкирхли, расположенной на горе Сантис близ Аппенцеля на высоте 1477—1500 м, было обнаружено скопление 1000 особей медведя. Здесь, в «Верхней пещере», наряду с разрозненными находками, встречались кости, лежащие в анатомической связи и даже отдельные целые скелеты. Преобладали остатки старых зверей. В то же время, орудия и другие признаки человеческой деятельности полностью отсутствовали. Исходя из этого, Э. Бехлер определил комплекс «Верхней пещеры» как типичное «медвежье кладбище» (Столяр А.Д., 1985, с. 140—141).

«Пещера Драхенлох, расположенная в Швейцарских Альпах, на высоте 2500 м, была исследована в 1917–1923 гг. Передняя часть пещеры, уходящей глубоко в гору, вероятно, иногда служила неандертальцам временным убежищем. Но главный сюрприз ждал исследователя впереди. Пещера характеризуется простым коридорным планом. Ее прямой рукав можно разделить на шесть камер: сначала идут три больших отделения (I, II, III), а затем три малых (IV, V, VI). Особенно интересными оказались находки в камере II. Вдоль южного края камеры стояла стеночка высотой до 80 см, сложенная из плиток известняка и отстоящая от скалы на 40–60 см. А между этим барьером и скалой пещеры находились целые "склады" костей медведя: в основном это были длинные кости

конечностей. Отдельно размещалась 21 локтевая кость зверя. «При этом такие "склады" явно не служили хранилищами мяса — иногда лежащие на одном горизонте длинные кости так тесно прилегали друг к другу, что в момент их помещения в "хранилище" на них уже определенно не было мышц» (Столяр А.Д., 1985, с. 144).

Затем в этой же камере II нашли прямоугольные очаги, сложенные из камней, и в одном из них (35×40 см), перекрытом тяжелым камнем, на слое древесных углей лежали обгорелые кости лап медведя. Рядом с очагом ученые с удивлением обнаружили необычайное сооружение — «каменный ящик» высотой до 1 м. «Этот ящик, к сожалению, очень примитивно зафиксированный, в момент раскопок находился в основании культурных отложений Драхенлоха, свидетельствуя о том, что он был сооружен в самом начале освоения пещеры человеком... Сверху ящик был покрыт большой каменной плитой толщиной 12 см» (Столяр А.Д., 1985, с. 144).

«Заполнение этого своеобразного "сейфа" было не менее примечательно, чем его конструкция. Оно состояло из 7 черепов медведя,... размещавшихся в строгом порядке – поставленные в два ряда друг на друга, они все лицевыми костями единообразно ориентировались в направлении входа» (Столяр А.Д., 1985, с. 144). В глубине «ящика» вдоль его стен находилось шесть длинных костей конечностей, т.е. лап. На границе второй и третьей камер пещеры стояли в ряд шесть грубых прямоугольных каменных ящиков меньшего размера, образованных из плит и перекрытых большой плоской каменной плитой. Их заполнение тоже состояло из черепов и длинных костей конечностей (лап) пещерного хищника. Захоронение медвежьих черепов и костей лап в естественных нишах известны в пещерах Петерсхелле (5 черепов), Зальцофен (5 черепов) и Клюни (тоже 5). В последнем случае черепа были положены по кругу, т.е. налицо признаки осознанной деятельности неандертальцев по обращению с костями медведя. «Самым же примечательным оказалось заполнение каменного ящика, находившегося в 1 м от входа в камеру III. Образованный вертикально поставленными плитками и перекрытый сверху полуметровой плитой, он содержал внутри череп медвежонка (до трех лет), но без нижней челюсти. Через его скуловую дугу была специально продета целая бедренная кость...» (Столяр А.Д., 1985, с. 145). Всего свидетельствами специфической деятельности неандертальцев в Драхенлохе стали черепа примерно 50 молодых медвежат, специально отобранных и уложенных иногда в каменные «ящики». Обычно отбирались черепа и длинные кости конечностей (лапы).

Сходные находки были сделаны и в ряде других пещер Швейцарии, Германии, Франции, Югославии (Хорватия), в бывшем СССР (Кавказ, Украина – близ Одессы). «Основными "искусственными" чертами, предельно отчетливо выраженными в Драхенлохе, – пишет отечественный археолог А.Д. Столяр, – являлась прежде всего тройная выборочность. которой была подчинена эта специфическая деятельность палеоантропа: во-первых, устойчивое выделение одного и того же вида животного; во-вторых, строгий отбор определенных частей, "облюбованного" зверя; в-третьих, предпочтительное внимание к его молодым особям. Черепа и целые длинные кости конечностей медведей и только медведей (притом почти исключительно медвежат) выступают в разбираемом комплексе (Драхенлохе – $B.\Gamma$.) и его аналогах в качестве своеобразных руководящих форм, свидетельствуя о целенаправленной канонической избирательной активности неандертальца. Скопления таких целых костей составляют здесь те серийные комплексы, которые не могли создать ни природа, ни узкоутилитарная деятельность человека...» (Столяр А.Д., 1985, c. 147).

Какие же еще нужны доказательства наличия у неандертальцев в эпоху мустье каких-то зачатков культа медведя, пока еще пещерного, который вымер в конце ледниковой эпохи, около 15 000 лет назад?

Труднодоступность «медвежьих пещер» и то, что древние люди постоянно не обитали там, ясно говорит о том, что эти пещеры являлись, скорее всего, святилищами медвежьего культа, связанного, видимо, с магией возрождения. Французский исследователь Р. Констебль писал в этой связи: «Медвежьи кости в неандертальских каменных ларях были не просто трофеями, вроде шкур и голов, украшающих кабинеты современных охотников за крупной дичью. Если известные примеры охотничьей деятельности могут служить аналогией, неандертальцы отнюдь не тешили свое тщеславие, а преследовали куда более серьезные цели. Ритуалы, связанные с медведем, все еще существуют, – во всяком случае существовали до самого недавнего времени – у ряда охотничьих народов, обитающих по всему северу от Лапландии и Сибири до арктической глуши Нового Света...» (цит. по: М.В. Леонтьев, 2007, в интернете).

Шли столетия, постепенно (не позднее 15 000 лет назад) пещерный медведь вымер, а его место занял меньший по размеру, но значительно более подвижный и опасный – бурый медведь (*Ursus arctos*), культ которого сохранился у некоторых народов Сибири вплоть до конца XIX – начала XX в. Следует также отметить, что если пещерный медведь, несмотря на его громадные размеры (судя по изотопному анализу его костей), был почти полным вегетарианцем (т.е. питался ис-

ключительно растительной пищей), то его наследник – медведь бурый не брезговал и мясом, включая и падаль (туши павших оленей, лосей и др. животных).

Традиции, заложенные в отношениях неандертальцев к пещерному медведю, что удивительно, почти досконально повторялись затем и в эпоху позднего палеолита (ранний ориньяк), когда на арену жизни вышел уже наш прямой предок – homo sapiens (или «кроманьонец»), но сталкивался он уже с медведем бурым. На стоянках позднего палеолита выявлено немало примером использования символических частей туш (костей) медведей (прежде всего, черепа и длинных костей конечностей, т.е. лап), схожих по манере отбора костей и некоторым другим параметрам с ритуальными медвежьими комплексами эпохи мустье. Но появились и новые яркие моменты. Здесь имеется в виду широко известная пещера Монтеспан в департаменте Верхняя Гаронна во Франции, впервые исследованная выдающимся спелеологом Н. Кастере в 1922–1923 гг. В глубине темной подземной боковой галереи ученый обнаружил глиняного «медведя». Это глубоко своеобразное произведение состояло из лепной глиняной основы, передававшей массу тела в натуральную величину, которая завершалась когда-то подлинной головой зверя и «одевалась» в его шкуру. «Выявленное чучело зверя с лепной основой, надолго сохранявшей воспроизведенный объем тела животного, – условно может быть названо натуральным макетом» (Столяр А.Д., 1972, с. 48). «Фигура медведя не проработана и не расчленена, напоминая ком глины, лишь очень суммарно передающий задуманную форму. Сливающиеся с телом конечности едва намечены. В них различается только одна живая деталь – тщательно переданные когти на обращенной к зрителю передней лапе (опять именно то «страшное орудие» зверя, которое постоянно вызывало к себе особое отношение человека, начиная еще с мустьерской эпохи)» (Столяр А.Д., 1985, с. 190).

«Монтеспанский медведь» головы не имеет. Глиняной головы он не имел никогда, ибо срез шеи сглажен и покрыт «пылью веков» (легким налетом кальцита). «Но в действительности этот "медведь" в то время, когда его образ "жил", не был безголовым. Между передними лапами на полу находился череп медвежонка, по-видимому, преднамеренно уложенный лицевыми костями к изваянию, а в глиняной шее имеется глубокое треугольное отверстие, куда, наверное, вставлялся деревянный колышек, соединявший в момент "сборки" глиняное тело с подлинной мордой» (Столяр А.Д., 1985, с. 190). Бока и круп «медведя» пробиты во многих местах ударами копий. Даже известный французский археолог А. Леруа-Гуран — яростный противник «магической теории» в отноше-

нии медведей в эпоху мустье (и даже верхнего палеолита) – вынужден был признать, что в данном случае чучело медведя «со значительной вероятностью отражает магическую церемонию, во время которой скульптура, покрытая медвежьей шкурой, служила целью для метания дротиков» (цит. по: Б.А. Рыбаков, 1985, с. 114).

Время создания «монтеспанского медведя» относится к рубежу раннего и среднего ориньяка (32 тыс. лет назад), т.е. к верхнему палеолиту, эпохе господства человека современного вида – homo sapience (Столяр А.Д., 1972, с. 47).

Радиоуглеродный анализ углей из нижнего кострища Драхенлоха показал древность около 49 000 лет, что позволяет относить время освоения пещеры человеком еще раньше, примерно к 53 000 лет тому назад. В другой пещере — Зальцофенхёле в Австрии — по углю «медвежий слой» оказался еще более молодым — 34000 ± 3000 (или 300) лет от наших дней (Столяр А.Д., 1985, с. 164). «Таким образом, опорные свидетельства так называемого медвежьего культа относятся к концу нижнего палеолита...» (Столяр А.Д., 1985, с. 164). А что же случилось с этим «культом» позднее, в археологические эпохи неолита и бронзы? Какие у нас имеются реальные доказательства наличия «медвежьего культа» не только в палеолите, но и в более поздние времена, вплоть до появления на территории Восточной Европы развитых культур?

Скептиков здесь хоть отбавляй. «Не прекратились споры и вокруг находки костей и черепов медведей, в частности, в пещерах Петерсхэле (ФРГ) и Драхенлох (Швейцария), – пишет З.П. Соколова. – ...В этих пещерах в эпоху мустье (около 100-40 тыс. лет до н.э.) жил человек. В Петерсхэле вместе с остатками очагов, сложенных из плит, и очень примитивными каменными орудиями были найдены останки животных. Среди них больше всего костей пещерного медведя. Некоторые кости были, видимо, специально подобраны в определенном порядке и уложены в особых углублениях-нишах, а сверху прикрыты плитами и камнями... В одной из ниш обнаружены вместе пять черепов медведей и три кости конечностей... Что это? Склады пищи или ритуальные захоронения останков животных? Может быть, это следы обычая, сходного с бытовавшим в недавнее время у нивхов (гиляков) Нижнего Амура и Сахалина, которые хранили головы медведя, почитаемого ими как родоначальника, в специальном амбаре родового стойбища. Рядом с амбаром на шнурках нивхи вешали медвежье лапы, а остальные кости хоронили недалеко от амбара. Может быть. Но... можно ли проводить столь отдаленные аналогии и реконструировать обычаи людей каменного века? Можно ли с известной долей уверенности истолковывать эти памятники как ритуальные, обрядовые? Можно ли видеть в них следы особого, почтительного отношения к животным?» (Соколова З.П., 1972, с. 11–12). Автор дает на эти поставленные вопросы сугубо отрицательный ответ. Как уже говорилось выше, она не считает весомыми аргументами археологические находки, а единственным надежным источником почитания животных (включая медведя) признает только этнографические свидетельства.

Однако кроме этнографов скептическое отношение к «медвежьим пещерам» и в прошлом, и в настоящее время широко представлено и у археологов и палеонтологов, как отечественных (П.П. Ефименко и др.), так и зарубежных (А. Леруа-Гуран и др.). Аргументы их противников изложены выше. А для подведения определенного итога по «мустьерскому медведю» сошлюсь на мнение нескольких археологов. «Широко распространенное представление о дикости, примитивности первобытного человека и первобытной культуры имеет мало общего с действительностью, - отмечают уральские ученые Д.К. Дубровский и В.Ю. Грачев. - ...В пещере Монтеспан на территории Франции археологи нашли статую глиняного медведя со следами ударов копьем. Вероятно, первобытные люди связывали животных с их изображениями, "убив" которые можно было обеспечить себе успех в предстоящей охоте. В подобных находках прослеживается связь между охотничьими ритуалами и художественной деятельностью...» (Дубровский Д.К., Грачев В.Ю., 2011, с. 5). Еще более определенную позицию занимает в этом вопросе другой археолог – известный специалист по археологии Древней Руси академик Б.А. Рыбаков. Он пишет: «Можно вполне согласиться с А.Д. Столяром (это признанный российский авторитет в области первобытного искусства – $B.\Gamma$.), что преднамеренное, осознанное сбережение в труднодоступных местах, под каменным прикрытием, черепов и лап медведя может свидетельствовать о начатках тотемизма и охотничье-производственной магии...». И далее, словно в пику приведенному выше мнению этнографа 3.П. Соколовой: «При сопоставлении археологических и этнографических данных поражает удивительная архаичность медвежьего праздника: охотники Сибири, так же, как и далекие неандертальцы, отрезали голову и лапы медведя, так же прятали их в "медвежьи амбары", в которых за долгие годы скопилось "превеликая груда костей". Очевидно, и в мустьерских пещерах тоже устраивались какие-то медвежьи праздники, подобные сибирским, - слишком уж одинаковы материальные следы, поддающиеся сопоставлению (курсив мой $-B.\Gamma$.). Географически преобладание охоты на медведя и медвежий культ в мустьерское время ограничены Центральной Европой и южной

половиной Восточной Европы, включая Кавказ...» (Рыбаков Б.А., 1985, с. 101). «Палеолитические захоронения медвежьих лап, олицетворявших в сознании первобытного человека столь нужную ему несокрушимую силу и крепость, были одним из первых приобщений человека к сфере магии и заклинаний. Быть может, именно поэтому отголоски культа отрубленных медвежьих лап известны нам на протяжении многих тысяч лет — от неолита до XIX в. ...» (Рыбаков Б.А., 1985, с. 102). География распространения «медвежьих пещер» понятна. Она была тесно связана с распространением ледников в вюрмский период.

«Суммируя то, что нам известно о древнейших стадиях человеческих представлений о сверхъестественных силах, мы должны признать, что они появляются на стадии развитого охотничьего хозяйства неандертальцев мустьерской эпохи... Медведь как главный объект охоты в среднепалеолитической Европе, явная антропоморфность медведя, обитание медведя в тех же пещерах, в каких жили люди, — все это могло содействовать зарождению магических представлений, неотделимых от первичных проявлений религии. Медвежий культ (может быть, как самый первый в истории человечества) оказался необычайно устойчивым. В лесных, богатых медведями местах он дожил до средневековья...» (Рыбаков Б.А., 1985, с. 108).

«В широком смысле "медвежьими пещерами" называются все карстовые местонахождения со скоплениями костей крупного хищника ледниковой поры. В соответствии с этим признаком в одну аморфную массу попадают комплексы разного происхождения — как естественные, так и обязанные своим образованием человеку. К числу первых относятся природные кладбища этого вида (медведя — $B.\Gamma$.), умиравшего в глубине занятых им пещер. Остатки таких инстинктивных "самозахоронений" встречались очень часто... Их обилие привело к предположению, что почти все четвертичные пещеры первоначально служили логовом пещерному медведю...

...Понятно, что ни первая, ни вторая группы не явятся объектом нашего анализа. Но зато остается еще одна выразительная разновидность – явно не природная, произведенная трудом палеоантропа и одновременно не объясняемая факторами практической опосредованности. Именно эти памятники, передающие какую-то постоянную, но не узкоутилитарную активность неандертальцев, мы будем иметь в виду далее...

Еще в ашеле медведь занял в ряде областей значительное место среди объектов охоты (Эрингсдорф, Таубах и др.). В мустьерскую эпоху контакты человека с «самым большим из всех медведей», «ростом» до 2,5 м, становятся особенно частыми и напряженными во всех зонах его

карстового расселения от Пиренеев до Каспия. Начатое еще синантропом заселение пещер в мустье приобретает исключительную интенсивность. Причинами такого сдвига послужили как неустойчивый и сырой климат начавшегося вюрмского оледенения, так и определенно сложившиеся у палеоантропа потребности в «благоустроенном доме».

Но «будущие владыки планеты должны были сначала выгнать оттуда медведей... Рогатины против клыков и костей»¹. Так, в «кровавое время пещерных медведей» (Э. Бехлер) завязалась «отчаянная борьба человека с этим ужасом пещер» (Н. Кастере). Медведь, конечно, являлся существенным источником мяса, давал он шкуру, кости, а также массивную нижнюю челюсть, ветви которой эпизодически использовались как орудие. Однако исключительность пещерного медведя заключалась в том, что победа над ним освобождала также естественное укрытие для стоянки. Таким образом, именно эта охота наиболее способствовала удовлетворению всего комплекса жизненных потребностей палеоантропа, оказывалась условием выживания коллектива, что как бы возводило данную анималистическую доминанту в квадрат, делало ее особенно сильной и насыщенной.

Борьба с медведем явилась «древнейшей всемирно-исторической битвой, исход которой обеспечил неоспоримое господство человека над землей». Но одновременно эта мустьерская победа привела к ряду специфических последствий, неизбежно порождавшихся всем конкретно-чувственным характером напряженного коллективного труда, особенно властно сплавлявшего воедино действия, мысли и чувства группы добытчиков.

Воссоздавая его обычную картину, следовало бы отказаться от широко вошедших в популярную литературу идиллических реконструкций, отталкивающихся от старой мысли О. Абеля о «скатывании камней» и изображающих беззащитного хищника и недосягаемых для него охотников. Более оправданно противопоставить им сцену схватки «тело к телу», ибо археологические материалы убедительно характеризуют такую охоту как разворачивавшийся в недрах пещеры кровавый поединок зверя и человека... Пика или рогатина, дубина, огонь, метательные камни, возможно, кистень и, конечно, сплоченность и мужество коллектива, не-

¹ О том, что «страшный пещерный медведь» тысячелетиями хозяйничал в пещерах, свидетельствуют вырытые им «гнёзда» (диаметр 3–4 м, глубина до 1 м), в которые он залегал на зимнюю спячку (с октября по май), а также гриффады на стенах. И первых, и вторых, например, очень много в Руфиньяке... Исключительно многочисленны также костные остатки медведя в его пещерных «кладбищах» (например, в Драхенхёле остатки 30 000 особей).

редко, вероятно, несшего потери, приводили к победе. Ею завершалась охота, но отнюдь не снималось то психофизическое состояние, которое возникало в ее ходе. Рядом с агонизирующим хищником, «достигавшим величины быка» (Н. Кастере), оказывалась группа добытчиков, до предела возбужденная «охотничьими» чувствами... Итак, каждая успешная охота давала не только добычу, но и предельный нервный накал всего коллектива, социально-производственный по всей своей природе, сливающийся с первичным осознанием материальных условий жизни и совокупной дееспособности людей. Преодоление такой «срывной ситуации» осуществлялось лишь внешним выражением избыточных эмоций. Однако у палеоантропа возможности реализации общественно-производственных чувств были крайне ограниченными. Речь в силу своего зачаточного состояния еще не стала для этого достаточным средством. Поэтому передача интенсивных охотничьих переживаний, скорее всего, могла состоять из более материализованных «самых грубых и простых форм выражения чувств, в которых решающим было само наглядное действие. У туши зверя, воплощавшей в себе цель всех стремлений, непроизвольно возникало примитивное, глубоко чувственное представление, которое инерционно продолжало охоту...

Заметим, что все эти коллективные пантомимы были обращены к зверю как живому существу, хотя в реальности такового уже не было. Так прорастало первое зернышко условности — живого зверя заменяла безжизненная туша или даже часть ее, возникал символ, который составлял предмет воображаемых отношений...» (Столяр А.Д., 1985, с. 173).

«На протяжении длительного периода позднего плейстоцена медведь являлся объектом внимания и охоты древнего человека. В это время в Европе обитали большой и малый пещерные медведи (Ursus spelaeus)... Местами обитания малого пещерного медведя служили степи и предгорья Восточной Европы (Предкавказье, южная часть Приуралья, Средний Урал). Большой пещерный медведь был распространен в Западной и Центральной Европе. Зверь обитал в карстовых пещерах и в местах пересеченного рельефа с выходами известняков. Он имел огромный череп с выпуклым лбом, его вес мог достигать предположительно 800–900 кг...

В периоды ашеля и мустье палеоантропы заселяли пещеры с целью защиты от холода и хищников. Вероятно, именно в это время и начинаются первые столкновения древнего человека и медведя и так называемая «борьба за жилище». Человек использует продукты, полученные в результате охоты на этого травоядного гиганта (мясо, жир, кости, шкура). Появление ритуальных захоронений медвежьих костей в специаль-

ных ящиках – хранилищах из плит и камней, в нишах пещер можно объяснить либо своеобразным «возвращением» зверя обратно в жилище, либо использованием костей в качестве символов защиты (прообразы амулетов?). Но это только предположение. Для хранения отбирали кости преимущественно молодых особей медведя – от 2 до 5 лет (верхние части черепов, длинные кости конечностей). Благодаря соответствующей группировке материала создавались композиции (Драхенлох, Вильденманнлислох в Центральных Альпах, Петерсхеле, Драхенхёле, Зальцонфенхеле в Австрии и др.). Подбор материала и характер археологического контекста свидетельствуют о существовании особых мировоззренческих представдлений уже в мустьерскую эпоху.

Сейчас невозможно указать промежуток времени, когда возникли зачатки «художественного воспроизведения» животного, когда появились первые изображения... (Демещенко С.А., 1999, с. 7). Первые воспроизведения медведя в живописном рисунке, гравюре и скульптуре относятся ко времени 30-28 тысяч лет назад. Это начало творческой активности человека, когда появляется так называемое искусство – определенная изобразительная деятельность людей позднего палеолита... В палеолитическом искусстве изображения медведя встречены в материалах некоторых стоянок открытого типа Центральной и Восточной Европы, где они представлены только малыми формами (скульптура, навершия предметов, гравировка на кости и камне), но больше всего изображений приходится на пещерные гравировки в западноевропейских гротах, если исходить из зарубежных источников. Имеются данные, что только в 23 гротах Западной Европы можно выделить не менее 50 изображений медведя. Среди 70 скульптур в Дольних Вестоницах и Павлове (Моравия) Б. Клима отмечает 21 изображение зверя. Однако, на наш взгляд, многие скульптурные головки обладают признаками совершенно иных млекопитающих (кошачьи, волк). Необходимо отметить, что палеолитические изображения медведя датируются временем от 30 до 9 тысяч лет назад...

В искусстве костёнковско-авдеевской культуры (Восточная Европа: 23–21 тысяч лет назад) условно-обобщенные и стилизованные изображения головы медведя. В коллекциях стоянки Костёнки 1 можно выделить 6 скульптурных головок медведя с различной степенью обобщенности (рис. 1–3; 11: 2–10). ...В Авдеево (р. Сейм) изображения головы медведя представлены на уплощенных навершиях заколок, острий. Морда зверя с обязательным обозначением округлых ушей передается анфас в стилизованной манере. Головки имеют подтреугольную форму, плавно переходящую в стержень заколки. По краям поделок – геометри-

ческий орнамент, характерный для костёнковско-авдеевской культуры... (Демещенко С.А., 1999, с. 8). Среди новых открытий необходимо отметить наскальные контурные изображения медведя в гроте Шове (близ Лиона, Франция, рис. 7: 5–10). Рисунки выполнены красной и черной краской в соотношении 8:3, имеется одно гравированное изображение... Здесь выделено 12 изображений медведя, что составляет 5,5% всего количества изображений. В данном гроте была найдена верхняя часть черепа медведя, расположенная горизонтально на обломке скалы. Для рисунков есть несколько дат С-14. Это промежуток времени 30–22 тысяч лет назад... (Демещенко С.А., 1999, с. 11). Следовательно, в палеолитическом искусстве Европы среди многочисленных изображений анималистического жанра можно выделить сюжеты, воспроизводящие образ медведя. Как правило, все изображения интерпретируются путем зоологического анализа на основе сопоставлений...

В статье учтено 83 изображения медведя, происходящих из 34 местонахождений Европы... В искусстве малых форм палеолита известно 44 изображения медведя. Это гравировки на кости и камне (19). Преимущественно из Западной Европы мадленского времени, скульптура и скульптурные навершия предметов (22), подвески (3)... (Демещенко С.А., 1999, с. 12).

...Безусловно, в рисунках, гравировках и мелкой пластике можно выделить изображения пещерного и бурого медведя. Если рассмотреть данные посредством зоологического анализа, то большинство изоюражений придется на долю бурого медведя. Об этом свидетельствует и фаунистический материал, представленный частично в культурном слое некоторых поселений открытого типа (Костёнки 1, верхний слой; Костёнки 4 и др.) (Демещенко С.А., 1999, с. 18).

Период мезолита и неолита

Новая эпоха в истории человечества начинается 12–10 тыс. лет до н.э., когда происходит смена двух геологических периодов: ледниковый плейстоцен сменяется голоценом (современным периодом), а в археологической периодизации палеолит сменяется мезолитом. Крупнейшим природным переломом было сравнительно быстрое таяние и отступление все дальше на север гигантских ледников. При этом при таянии льда высвободились массы воды, образовавшей реки, озера, болота и даже новые моря. Ландшафтные зоны заметно сдвинулись: арктическая тундра оказалась далеко на севере, а освободившиеся влажные земли, с достаточно благоприятным климатом, быстро заняли леса (хвойные и широколиственные).

Естественно, именно к этой новой природной среде старался приспособиться и человек. Это давно уже был человек современного вида (homo sapience). В его жизни многое изменилось. Пещеры как места постоянного обитания оказались в основном покинутыми, хотя сохранили в ряде случаев культовое значение.

Безусловно, заметно изменились верования и культы людей – рыболовов, охотников и собирателей эпохи неолита (8-3 тыс. лет до н.э.). Но лесные массивы не только не уменьшились, а во многом даже разрослись. И в них водилось множество разнообразных зверей и, среди них, конечно, медведь – уже не пещерный, а бурый. А вместе с ним существовал и какой-то культ крупнейшего хищника Восточной Европы. Известный отечественный археолог Н.Н. Гурина в своей статье «Религиозные представления охотников Европейского Севера (по данным археологии)» пишет: «Наиболее популярным образом, представленным в рисунках (наскальных $-B.\Gamma$.) и скульптуре на множестве поселений мезолитических и неолитических охотников, являлся лось, воплощавший в себе могущество леса и медведь - хозяин зверей», с которым, как известно, связывается у ряда народов Сибири "медвежий культ". Очевидно, особая роль, отведенная этим двум зверям, отражала общие черты верований древних охотников...» (в сб-ке «Религиозные представления в первобытном обществе». Конференция. Тезисы докладов. М., 1987, с. 21).

В окрестностях Новгорода в неолитических слоях часто встречались «пальцевые» кости медвежьей лапы, зарытые в одну яму вместе с костями человека (Передольский В.С., 1898, с. 175). Грубый рисунок медведя, относящийся к неолиту, выбит на камне в районе притока реки Камы – Вишеры.

В 1973 г. на севере Норвегии, в Финмарке, в местечке Альта были обнаружены изображения зверей, птиц и рыб, выбитые на скалах. Их всего свыше 3000, и относятся они к эпохе неолита. И хотя на этих рисунках преобладают лоси и северные олени, но есть там и фигуры медведей (Леонтьев А.И., 2007).

В 40-х гг. XX в. известный отечественный археолог С.Н. Замятнин собрал и изучил значительную группу кремневых миниатюрных скульптур Северо-Восточной Европы, относящихся к эпохе неолита (Замятнин С.Н., 1948, с. 13). «Нами могут быть указаны около 30 неолитических местонахождений, — пишет исследователь, — доставивших находки кремневых скульптур, причем с некоторых стоянок происходит не одно, а несколько изображений. Область их распространения охватывает всю северную половину Европейской части СССР, от побережья

Белого моря и Большеземельской тундры на севере до Волги (от верховьев до Казани) и среднего течения Оки и Суры, от Валдайской возвышенности до Камы...» (Замятнин С.Н., 1948, с. 88). Среди многих других фигурок человека, зверей, птиц и рыб встречаются и хорошо узнаваемые изображения медведей. «Так, у с. Зимняя Золотина Архангельской области, на берегу Белого моря близ устья одноименной селу реки находится неолитическая стоянка, откуда происходят сразу семь кремневых зооморфных изделий – тюленя, моржа, лося, мелкого хищника (песца – ?), два предмета геометрической формы и, наконец, медведя. Вот его описание: изображение хищного животного, тяжелая крупная морда, опущенная вниз, выпуклый лоб, передает, по-видимому, медведя; длина 10 см..., изображение строго профильное... (рис. 4, 3)» (Замятнин С.Н., 1948, с. 90, 106). Большинство исследователей признает культовый характер этих изображений (Замятнин С.Н., 1948, с. 100). «Если добавить (к Золотницкому медведю – $B.\Gamma$.) к этому изображение медведя в фас (стоящий на задних лапах зверь – $B.\Gamma$.) (рис. 4, 7) из Усть-Яренги, также на Беломорском побережье, то это составит большую часть, и притом наиболее выразительных, реалистически трактованных изображений животных...» (Замятнин С.Н., 1948, с. 107).

Можно было бы назвать здесь и еще немало других изображений медведей на скальных писаницах и в виде каменных фигурок с территории Восточной Европы (например, писаницы Карелии и Оленеостровский могильник на острове Онежского озера), но, на мой взгляд, в этом нет особой необходимости. Важно лишь отметить, что с вымиранием пещерного медведя и исчезновением неандертальца культ медведя не исчез: он продолжался в верхнем палеолите, где «гомо сапиенс» противостоял уже бурому медведю; есть следы почитания медведя, как показано выше, и в неолитическую эпоху².

Период энеолита и бронзового века

Особый интерес представляют для этой эпохи исследования Д.А. Крайнова на памятниках энеолитической волосовской культуры (III—II тыс. до н.э.) и фатьяновской культуры бронзового века (II тыс. до н.э.), существовавших когда-то в Центре Русской равнины и представ-

² Еще больше изображений «неолитического» медведя на петроглифах и в виде каменных фигурок обнаружено в Сибири (например, см. Р.С. Васильевский, А.П. Окладников. Изображения медведей в неолитическом искусстве Северной Азии // Звери в камне. Новосибирск, 1980, с. 230–238). Но я их опускаю, поскольку географически Сибирь не входит в рамки моей работы. В монографии используются лишь сибирские этнографические материалы.

ленных могильниками и поселениями. И поскольку в местных глухих лесах, среди прочего зверья, во множестве водился и самый крупный и опасный хищник Восточной Европы – бурый медведь, то, несомненно, его присутствие бок о бок с людьми, не могло не оставить заметного следа в их верованиях и культуре.

Дмитрий Александрович Крайнов на основе многочисленных археологических материалов (причем, многие могильники и поселения эпохи бронзы были открыты возглавляемой им Верхневолжской экспедицией Института археологии АН СССР впервые) пришел к следующим выводам: «На многих волосовских поселениях около погребений встречены особые "ритуальные" клады (Сахтыш II, Сахтыш VIII, Володары и др.) На "ритуальной площадке" поселения Сахтыш II обнаружено 10 «кладов», располагавшихся около погребений на той же глубине и заполненных каменными и костяными вещами, углями и вкраплениями красной краски. Большая часть орудий из "кладов" обожжена и поломана. Вместе с вещами встречены и кости основных промысловых животных. В ряде "кладов" присутствуют кости лап медведя (курсив мой - $B.\Gamma$.) и медвежьи клыки...

Как в повседневной жизни, так и в погребальном обряде у волосовцев большую роль играл медвежий культ, существовавший у многих древних народов Евразии с глубокой древности. Он развивался и видоизменялся в различные эпохи, кроме того, медвежий культ имел разный характер у охотников, лесных скотоводов и земледельцев. В пережиточном виде он еще недавно существовал у многих сибирских народов.

Культ медведя у волосовцев предстает в разных аспектах: медведьпредок, родоначальник, тотем, охранитель, звериный двойник человека (нагуаль — $B.\Gamma$.), жертвенное священное животное и пр. Черепа и челюсти медведя находят в волосовских жилищах и погребениях. Они являлись центральными атрибутами медвежьих праздников у народов Сибири. Медвежьи лапы, найденные в "кладах" также имели ритуальное значение. "Лапа" была как бы символом самого медведя, она часто встречается в погребениях у многих древних народов, а также известна и в более позднем фольклоре. Остатки медвежьих шкур в "святилище" стоянки Сахтыш II, кремневая фигурка шкуры медведя из стоянки Сахтыш VIII также являются атрибутами медвежьего культа, что подтверждается находками их в особых амбарах у сибирских народов. Шкура медведя была также и ритуальной одеждой.

Антропоморфные фигурки человека-медведя, найденные на многих волосовских стоянках, имели, очевидно, какое-то особое ритуальное значение. Существует целый цикл сказок, где главным героем выступа-

ет полумедведь-получеловек. Находки костей медведя в "кладах" и на "ритуальной площадке" (Сахтыш II) показывают, что его мясо, как священного животного, поедалось в особых случаях, что также доказывают этнографические аналогии. Находка на могильнике Сахтыш II черепов медведя вместе с колотушкой из рога лося, а также скульптур голов лосей на волосовских поселениях – иногда с солярными знаками – связывает культ медведя и лосихи³. Рассмотренные нами факты, безусловно, доказывают существование у волосовцев медвежьего культа, который сопровождался особыми праздниками и ритуальными действиями. Культ медведя продолжал существовать на указанной территории и в более позднее время (у фатьяновцев, мерян и др.), но он уже имел иной характер» (Крайнов Д.А., 1987, с. 131, 133–136).

О медвежьем культе в эпоху бронзы свидетельствуют интереснейшие находки Д.А. Крайнова в пределах территории фатьяновской культуры. Им обнаружены ритуальные захоронения в фатьяновских могильниках, а также амулеты из медвежьих клыков и когтей (Крайнов Д.А., 1972, с. 91–92, 187, 198–199). Ритуальные захоронения медведей упомянутый исследователь открыл в Вауловском могильнике (Крайнов Д.А., 1941). В целом, частые находки в фатьяновских могильниках медвежьих клыков-амулетов, кинжала из медвежьей кости (погребение 9 Вауловского могильника), каменного топора-молотка с медвежьей головой вместо обушка, найденного в Ростове Великом и др., позволяют, считает Д.А. Крайнов, сделать вывод о наличии у фатьяновцев культа медведя, связанного со скотоводческим хозяйством (Крайнов Д.А., 1972, с. 199).

Не отстает от Центральных областей России по наличию осязаемых следов медвежьего культа в эпоху бронзы (и позднее) территория Северного Урала. Наиболее многочисленные находки останков медведей обнаружены здесь в пещерных святилищах. Наибольший интерес вызывают Канинская и Уньинская пещеры, расположенные недалеко друг от друга в верховьях реки Печоры. Они очень похожи — входы расположены в скалистом утесе на высоте нескольких метров от уровня воды в реке. Пещеры представляют собой гроты длиной до 20 м, шириной до 9 м и высотой до 5 м. Как удалось выяснить ученым, они являлись языческими святилищами обских угров эпохи бронзы, и в них со ІІ тыс. до н.э. и почти до начала XX в. производились ритуальные захоронения медвежьих черепов. Кроме останков медведя в пещерах были обнару-

³ Аналогичное сочетание лосиных и медвежьих культов и образов можно затем наблюдать в искусстве ананьинских племен Прикамья в I тыс. до н.э.

жены кости и других животных — оленей, лосей, но из их общего количества всегда преобладали медвежьи. В указанной пещере (Уньинской) найдены кости примерно 82 особей этого зверя. В Канинской пещере останки бурого медведя тоже занимали особое место. В глубине пещеры, у правой стенки грота, под нетолстым слоем земли исследователи обнаружили скопление черепов и отдельных костей медведя (не менее 23 особей). Кости были сложены грудой в два яруса на небольшом участке под выступом, который по своим очертаниям немного напоминал медвежью голову. По мнению археологов, Канинская пещера служила местом ритуального захоронения черепов и прочих останков бурого хищника (Леонтьев М.В., 2007).

Кроме этих двух памятников были исследованы пещеры по восточному склону Уральского хребта. В гротах пещер на реках Лобве, Какве, Лозьве ученые обнаружили огромное количество медвежьих костей, среди которых преобладали фрагменты черепов, а также нижние челюсти, клыки. Среди костей туловища значительную часть составляли кости лап. Неподалеку от г. Александрова Пермской области на берегу реки Чаньви найдена пещера под характерным названием «Медвежья», в которой обнаружены сотни медвежьих черепов (Леонтьев М.В., 2007). Открытие и изучение североуральских пещер – Уньинской и Каньинской, – представлявших собой святилища, связанные с почитанием медведя и существовавшие как таковые с эпохи бронзы (II тыс. до н.э.) и до начала XX в. непрерывно, служат надежным доказательством того, что культ медведя (в самых разных его проявлениях и формах) имел место на протяжении многих веков и даже тысячелетий у многих племен, населявших Европу, от Балтики до Урала, и проявлялся этот культ непрерывно.

Этот факт может подтвердить и блестящая статья о медвежьем культе, написанная еще в 1941 г. выдающимся отечественным археологом-славистом (специалистом по архитектуре и искусству Древней Руси) Н.Н. Ворониным. Называется она «Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в.» (МИА, № 6, М.-Л. 1941). Данная работа будет для нас особенно интересна, поскольку речь в ней идет о славянских и финноугорских племенах (меря), живших в XI в. примерно в тех же местах, где когда-то существовали носители волосовской и фатьяновской культур эпох энеолита и бронзы.

Существует следующая легенда о начале города Ярославля, оформленная в позднейшее время как особое сказание (Лебедев А., 1877). «На берегу Волги и Которосли, среди лесов и болот лежало селище Медвежий угол, населенное язычниками; они жили по своей воле и

творили многие грабежи и убийства верным. Они были искусны в охоте, рыбной ловле и скотоводстве, от которого главным образом и кормились. Князь Ярослав, защищая от их грабежа купеческий караван, побеждает их, поучает, как жить и не творить обиды, и предлагает им креститься. Жители Медвежьего угла остались верны своей религии. однако поклялись «жить в согласии» и платить дань. Через некоторое время Ярослав приехал за сбором дани, но был встречен выпущенным из клети "неким лютым и громадным зверем" и псами; князь убивает зверя (медведя $-B.\Gamma$.), а псы его не трогают. Убийство зверя якобы произвело на жителей потрясающее впечатление – они падают ниц перед князем (зверь имеет явно необычный характер, его убийство повергает жителей Медвежьего угла в ужас). Князь упрекает их в нарушении клятвы "служить мне князю вашему", издевается над их богом, который допускает клятвопреступление, и заявляет, что он приехал не для звериной потехи и не на пир пить многоценное питие, а сотворить "победу". Затем на месте победы над зверем князь закладывает церковь Илии, в день которого он "победил" лютого зверя, и срубает город, населяемый им христианами» (Воронин Н.Н., 1941, с. 155-156). «Лютый зверь» – это, несомненно, медведь, находившийся в особом почитании у жителей мерянского (финно-угорского) поселка. То, что его не называют по своему имени, весьма важно и указывает на его священное значение. Интересно, что позднейший герб города Ярославля изображает стоящего на задних лапах медведя с секирой (алебардой) на правом плече. Изображение медведя имеется и на ярославских печатях. «Таким образом, древние тотемические пережитки и местные народные предания нашли отражение в ярославской геральдике» (Горюнова Е.И., 1961, c. 147).

Археологические материалы также демонстрируют нам любопытные вещи, связанные с медвежьим культом. На Сунгиревском селище под г. Владимиром, исследованном в 1954 г. Н.Н. Ворониным, где ярко выражен хозяйственный облик мерянских поселков IX—XI вв., среди других предметов (в том числе обломка бронзовой мерянской «шумящей» подвески) был найден амулет, сделанный из медвежьего клыка со сверлиной-отверстием для подвешивания (Горюнова Е.И., 1961, с. 147). Н.Н. Воронин отмечает многократные находки глиняных имитаций медвежьих лап в славянских курганах Верхнего Поволжья IX—XI вв. (Васильковский могильник) (Воронин Н.Н., 1941, с. 161).

Известный русский археолог граф А.С. Уваров сообщает, что эти «лапы» всегда имеют определенное место в погребениях: при сожжении (кремации) они лежат около глиняного сосуда с прахом покойника; при

трупоположении (ингумации) — около головы. Такое положение их не оставляет сомнения в том, что они играли определенную роль в погребальном ритуале и изготовлялись специально для погребального обряда (Горюнова Е.И., 1961, с. 148).

«В ряде древних мордовских могил, — отмечает Н.Н. Воронин, — также имеются явные следы почитания медведя, отраженные в погребальном обряде и в украшениях. Так, в Подболотьевском могильнике (близ г. Мурома) погребение № 150 с трупосожжением, кроме вещей (костяные подвески, два наконечника копий, железная очковидная привеска), содержалось большое количество костей крупного медведя и, в том числе, кости лап... Таким образом, археологические памятники, число которых можно было бы умножить, свидетельствуют о несомненном культовом значении медведя в северо-западной и северо-восточной частях лесной полосы, особенно в Новгородской земле и в Ростове Ярославском, Поволжье, где указания на это идут из глубин доклассового общества и входят в начало феодального периода» (Воронин Н.Н., 1941, с. 163).

Подобное мировоззрение отмечено и у непосредственных соседей славян – прото-балтов (юхновцев) в І тыс. до н.э. В раскопанном Б.А. Рыбаковым святилище «Благовещенская Гора» (юхновская культура) возле полукруга деревянных идолов найдено горло большого глиняного ритуального сосуда, оформленного в виде головы медведя. «Необычный сосуд предназначался, по всей вероятности, для жертвенной крови (?), и именно медвежьей, о чем недвусмысленно говорит выразительно вылепленная голова зверя» (Рыбаков Б.А., 1985, с. 106). Более доказательно медвежий культ представлен на городище Тушемля на Смоленщине, датируемом VII-VIII вв. н.э., т.е. тем временем, когда славянская колонизация продвигалась в толщу балто-литовских и финно-угорских племен. «Небольшое овальное городище застроено по всему овалу деревянными клетями, а внутри двора, в одной из его сторон, находилась небольшая столбовая ограда, внутри которой обнаружен вертикально врытый столб, увенчанный черепом медведя. Значит, главным персонажем в священном месте данного укрепленного поселка была голова медведя или шкура, облекавшая центральный столб...» (Рыбаков Б.А., 1985, с. 107).

Предыдущий раздел был лишь своего рода предисловием или большим введением к главной части моей работы — анализу культа медведя у населения Восточной Европы в скифскую эпоху, в VII—IV вв. до н.э., когда на огромных пространствах Евразии (в степной, лесостепной и даже лесной зонах) господствовал оригинальный стиль искус-

ства — «звериный стиль». Однако основные центры европейской культуры, где были более или менее четко представлены различные проявления медвежьего культа, находились лишь в двух крупных регионах — это Днепро-Донская скифская лесостепь (в ее пределах особенно выделяется Средний Дон) и Прикамско-Уральская область, где в те времена господствовала ананьинская культура (а чуть позднее, в IV–III вв. до н.э. — Кара-Абызский культурный феномен).

Рис. 7. Кабаний клык с головами медведей Левобережное Степное Приднепровье, случайная находка (Киевский исторический музей)

Рис. 8. Золотая оковка деревянного сосуда в виде головы медведя Филипповка, курган № 1, тайник № 1 (Пшеничнюк А.Х., 2012)

Рис. 9. Золотая ручка деревянного сосуда в виде головы медведя, курган Солоха, боковая гробница (Алексеев А.Ю, 2012)

Рис. 10. Бронзовый зооморфный крючок, курган № 17, с. Колбино (раскопки ДАЭ ИА РАН)

Рис. 11. Сцены охоты фракийского царя на медведя (Фракийское золото, 2013)

Рис. 12. Золотая фигурка медведя. Курган Байгетобе, Чиликтинская долина, Восточный Казахстан (Толеубаев А.Т., 2003)

Рис. 13. Бронзовый, в золотых ножнах кинжал с навершием в виде медведя. Курган Елеке Сазы 2, VIII–VII вв. до н.э.

Фото с выставки «ЗОЛОТО ВЕЛИКОЙ СТЕПИ» 2–20 марта 2019 г. Москва, Государственный центральный музей современной истории России

Рис. 14. Бронзовая бляха и крючок с изображением медведя Кара-Абызкая культура, Шипово III, Башкирия, погр. 5

Рис. 15. Курмантау, кара-абызская культура, Башкирия

Рис. 16. Бронзовая бляха с изображением медведя в «жертвенной позе» Гляденовское костище, Прикамье, пьяноборская культура

Рис. 17. Костяной гребень со стилизованной фигурой медведя, Буйское городище. Прикамье, хранение ГИМ

Рис. 18. Медведь бурый (фото из свободного доступа интернета)

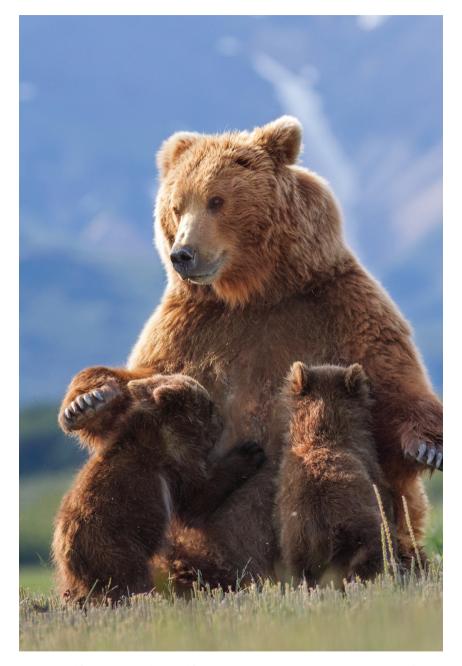

Рис. 19. Медведь бурый (фото из свободного доступа интернета)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Человек и медведь (от палеолита до конца эпохи брон-	
зы)	8
Глава I. Мотив медведя в искусстве населения Днепро-Донской	
лесостепи скифского времени	37
Глава II. Образ медведя в находках из элитных курганов Степной	
Скифии	78
Глава III. Медведь в верованиях ранних кочевников Нижней Вол-	
ги, Южного Урала и Центральной Азии	104
Глава IV. Культ медведя в ананьинской культуре Прикамья	145
Дополнение к главе IV. Дьяковская и городецкая культуры	180
Заключение	206
Библиография	208
Список сокращений	222
Summary	223
Цветные иллюстрации	230